

«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»
ДОСТОЕВСКОГО

Между писателем-человеком и творцом существует определенный разлад, и ни у кого, по-моему, он не был явственнее, чем у Достоевского. Вероятно, это удел всякой творческой личности, но, поскольку писатель работает со словом, несоответствие его поведения и проповедуемых идей резче бросается в глаза. Сравните прекраснодушный идеализм Шелли, его любовь к свободе, справедливости с его холодным эгоизмом и равнодушием к боли, причиняемой другим*. И я не сомневаюсь, что многие композиторы и художники были столь же эгоистичны и бессердечны, но их великолепные мелодии и картины очаровывают нас, заставляя прощать неблаговидные поступки. Видимо, дар к творчеству, вполне естественный для детства и юности, становится болезнью, если не исчезает у человека в зрелые годы, и эта болезнь может развиваться лишь за счет нормальных человеческих качеств, лишь на почве всевозможных пороков — самые сладкие дыни, как известно, вырастают на голом навозе.

Достоевский был не только тщеславным, раздражительным и безвольным человеком, каким его описывают биографы. Ведь не кто иной, как он, дал жизнь Алеше — пожалуй, самому обаятельному и добруму герою во всей мировой литературе. И именно он создал святого старца Зосиму. Алеша, кстати, задуман как центральная фигура «Братьев Карамазовых», о чем с достаточной ясностью говорит первое предложение: «Алексей Федорович Карамазов был третьим сыном помещика нашего уезда Федора Павловича Карамазова, столь известного в свое время (да и теперь еще у нас припоминаемого) по трагической и темной кончине своей, приключившейся ровно тридцать лет назад и о которой сообщу в своем месте». Достоевский слишком опытный писатель, чтобы ни с того ни с сего выделять в начале именно этот персонаж. Однако в книге — в том виде, в каком мы ее получили, — Алеша по сравнению со своими братьями Дмитрием и Иваном играет лишь второстепенную роль. Он появляется и исчезает из романа, почти не оказывая влияния на других. Собственная же его активная деятельность связана только с горсткой школьников, она высвечивает его трогательную доброту и любовь к людям, но совсем не определяет развитие сюжета.

Дело в том, что «Братья Карамазовы», насчитывающие в переводе миссис Гарнет восемьсот тридцать восемь страниц, являются лишь частью замысленного Достоевским произведения.

В последующих томах писатель намеревался разработать образ Алеши, подвергнуть его всевозможным испытаниям и через страшные грехи и страдания привести к «спасению». Но смерть помешала ему довести замысел до конца, а книга так и осталась незаконченной. Тем не менее «Братья Карамазовы» — одна из самых выдающихся книг всех времен и народов, занимающая первое место в том небольшом ряду романов, которые стоят несколько особняком от остальных замечательных творений,— ее ближайшими соседями тут являются «Грозовой перевал» и «Моби Дик». И это очень «густое» произведение: я вряд ликазал бы Достоевскому добрую услугу, если бы попытался охватить книгу полностью. Он обдумывал ее долго и, несмотря на денежные затруднения, работал над ней куда тщательнее, чем над любым другим романом, кроме разве что первого. Писатель вложил в нее все свои мучительные сомнения, потребность верить в то, что отвергал его разум, все яростные поиски смысла жизни. Лучше я скажу, чего читателю не стоит ожидать от романа, поскольку никто не вправе требовать от автора того, что он не мог или не хотел дать. Во-первых, «Братья Карамазовы» не реалистическое произведение. Достоевский не отличался особой наблюдательностью, к тому же и не стремился к правдоподобию. Поэтому поведение его персонажей трудно судить по стандартным меркам обычной жизни. Их поступки до безумия нелепы, да и мотивы этих поступков явно нелогичны. Олицетворяя различные страсти, гордыню, чувственность, ненависть, они мало похожи на характеры, которые вы тут же распознаете, стоит вам взяться за романы Джейн Остин или Флобера. У тех герои списывались с жизни, а затем благодаря авторскому мастерству и таланту становились значительнее, чем в жизни. У Достоевского же это сгустки растерзанного и болезненного субъективного сознания. Но, совсем не жизнеподобные, его герой тем не менее трепетно живы.

Надо еще отметить, что роман страдает от многословия, болезни, которую Достоевский и раньше знал за собой, но от которой никогда не мог излечиться. Даже по переводу можно заметить неряшлисть его письма. Великий писатель, Достоевский был посредственным художником слова. Ну а юмор у него — просто примитивный: г-жа Хохлакова — как бы комическая «отдушина» в этой книге — просто скучна. Недостаточно индивидуализированы и все три молодые женщины. Lise, Катерина Ивановна и Грушенька одинаково истеричны, злы, вспыльчивы. Стремясь властвовать и измывать над мужчинами, которых они любят, героини в то же время жаждут сами покориться им и терпеть от них муки. Нет, их не объяснишь!

Мужчины вылеплены добротнее. Об Алеше я уже несколько слов сказал; великолепно написаны в романе и сумасбродный шут старик Карамазов, и его внебрачный сын Смердяков — непревзойденное воплощение злого начала. Однако у старого греховодника есть два других сына; Дмитрий снисходительный человек определил бы как худшего врага самому себе — вульгарному и хвастливому задире, пьянице и моту, ему совершенно все равно, какими способами добывать деньги на свои развлечения, кстати наивные и жалкие, как у школьника. Чего

стоит один нелепый кутеж с Грушенькой! Когда же Дмитрий начинает лепетать о собственной чести, то выглядит просто отвратительно. В романе он, в общем-то, становится главным героем, что является, по-моему, недостатком — судьба такого никчёмного человека мало кого заинтересует. А вот женщины, как это часто случается, Дмитрия любят, но в чем состоит для них его привлекательность, Достоевский так и не показал. И все-таки одна его эскапада кажется мне знаменательной: украденные деньги Дмитрий везет Грушеньке, которую страстно любит, чтобы та смогла выйти замуж за когда-то соблазнившего ее человека. Это напоминает эпизод из жизни самого писателя: когда-то он пытался одолжить деньги и выдать Марию Исаеву, с которой был помолвлен, замуж за ее любовника — «благородного и симпатичного» учителя. Таким образом Достоевский наделяет Дмитрия, жестокого эгоцентрика, каким был сам, и своим собственным мазохизмом. Не является ли мазохизм главным способом самоутверждения в его мире?

До сих пор я лишь критиковал роман, и читатель вправе спросить, почему я называю его одним из величайших произведений мировой литературы, если в нем столько недостатков. Что же, во-первых, от «Братьев Карамазовых» невозможно оторваться. Достоевский был не только великим писателем, но и — что не всегда совпадает — очень искусным романистом, умеющим талантливо драматизировать любую ситуацию. Здесь имеет смысл рассказать, какими методами он настраивал читателя на особую, острую восприимчивость. Он собирал, например, героев вместе и заставлял их обсуждать что-нибудь до непонятности бредовое, а затем постепенно все объяснял с мастерством Эмиля Габорио, умело распутывающего в своих детективных романах таинственные преступления. И эти нескончаемые разговоры в «Братьях Карамазовых» вызывают захватывающий интерес, который Достоевский остроумным приемом еще и подстегивает: действующие лица произносят свои реплики с необъяснимым волнением — начинают дрожать, меняться в лице, зеленеть. Поэтому самые обычные слова получают какую-то таинственную многозначительность, и, в конце концов, все это так взвинчивает читателя, что он совершенно готов к потрясению, когда случается нечто действительно серьезное.

Но все вышеизложенное — дело техники, величие же «Братьев Карамазовых» коренится в значительности их проблематики. Многие исследователи говорили, что роман посвящен поискам бога, а я бы сказал, что основной здесь стала тема зла. Вот мы и подошли к Ивану, второму сыну старика Карамазова — наиболее интересному и наименее приятному из героев романа. Уже высказывалась идея, что именно Иван выражает сокровенные мысли и убеждения Достоевского. Так оно, видимо, и есть. Проблему зла писатель поднимает в пятой и шестой книгах, а их он считал наиглавнейшими в романе. Из этих двух книг, а именно “Pro и Contra” и «Русский инок», первая значительно сильнее. В ней Иван и рассуждает о зле, которое представляется человеческому уму несовместимым с существованием всемогущего и всеблагого господа. В качестве примера Иван приводит ничем не

заслуженные страдания детей. Вполне понятно, что взрослые должны страдать за свои грехи, но муки «неповинных деток» возмущают и сердце, и разум. Кстати, Ивану безразлично, бог ли создал человека или человек бога: он готов верить в существование высшей силы, но принять жестокость созданного богом мира не может. Ему кажется, что безвинные не должны терпеть муки за грехи виновных, а если они все-таки терпят, то бог либо зол, либо его вообще не существует. Тут я и остановлюсь, пусть читатель сам займется *Pro u Contra*. Надо только добавить, что Достоевский никогда еще не писал с такой мощью. Но затем сам испугался того, что написал. Доказательства были явно убедительными, да вывод противоречил его вере, а именно: вселенная, несмотря на все зло и муки, все-таки прекрасна, поскольку является божьим творением. Если любить все живое в мире, то любовь эта искупит страдания, и каждый разделит общую вину. Страдание за грехи других станет тогда моральным долгом истинного христианина. Вот во что Достоевский хотел веровать. Но, написав “*Pro u Contra*”, тут же поспешил дать что-то вроде опровержения. И никто лучше его самого не понимал, что получилось оно неудачным — скучным и неубедительным.

Так что проблема зла все еще ждет решения, а на предъявленные Иваном Карамазовым обвинения ответа пока нет.